

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

Особенности концептуальных метафор в популярном экономическом дискурсе

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

Исполнитель:
Орлова Татьяна Владимировна,
обучающаяся БЛ-41z группы

дата

подпись

подпись

Научный руководитель:
Василенко Ольга Ивановна,
канд. фил. наук, доцент

подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ.....	5
1.1 Понятие концептуальной метафоры.....	5
1.2 Основные положения когнитивной лингвистики.....	13
1.3 Сущность концепта.....	20
1.4 Понятие метафорической модели.....	34
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	41
2.1 Национально-культурные и психологические характеристики концептуальной метафоры экономического дискурса.....	41
2.2 Дискурсивные характеристики концептуальной метафоры экономического дискурса.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	60
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Метафора активно входит в жизнь современного человека и встречается практически во всех видах коммуникации. В последнее время происходит подъём интереса к этому понятию, существующему уже более двух тысяч лет. К изучению метафоры обращаются не только лингвисты, но и философы и психологи. Обилие литературы, посвященной метафоре, свидетельствует о том, что фундаментальная наука выходит на новый этап осознания ее сущности. Актуальность исследования обусловлена проблемой категоризации окружающей действительности, которая играет ключевую роль в когнитивной лингвистике, в рамках которой метафора выступает как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафора в современной когнитивистике определяется как основная ментальная операция над концептуальными структурами (доменами, фреймами, гештальтами, ментальными пространствами), как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

Объектом исследования послужил медийный экономический дискурс. Предметом исследования явились характерные особенности концептуальных метафор в экономическом дискурсе.

Цель исследования - осуществить анализ особенностей концептуальных метафор в популярном экономическом дискурсе.

В соответствии с предметом, объектом и целью исследования имеет место потребность в решении следующих задач:

- Дать понятие концептуальной метафоры;
- Раскрыть формирование словаря популярного экономического дискурса в связи с интенсивным распространением и внедрением в жизнь социума подъязыка экономики;
- Рассмотреть трактовку метафоры с точки зрения когнитивной лингвистики;
- Проанализировать понятие метафорической модели;

- Определить прагматические особенности использования концептуальной метафоры в популярном экономическом дискурсе.

Методологической основой исследования явился системно-структурный, диалектический, формально-логический, графический методы, метод сплошной выборки, компонентный и контекстуальный анализ, дискурсивный анализ. Теоретическую и методологическую базу работы составили труды российских и зарубежных ученых, которые содержат частичные аспекты данной проблемы, статистические данные, публикации в печати. К ним можно отнести следующих авторов - Лакофф Дж., Джонсон М., Попова З.Д., Склярская Г.Н, Мак Кормак Э. и др.

Проведён анализ популярного экономического дискурса отечественных масс-медиа. Для этого изучены статьи на тему «Бизнес, финансы и рынки» популярных отечественных журналов: «Деловой журнал РБК», «Экономика, предпринимательство и право», «Деньги», «Эксперт», еженедельный Интернет-журнал «Consulting.ru», русско-язычный сайт «Socionet», сайт «Wold Bank Reseach», статьи по финансовой тематике на сайте «Bis», а также зарубежные издания: «The economist», сайты BBC News и CNNMoney.com.

По данным СМИ было выявлено и проанализировано 5 моделей концептуальных метафор. Теоретическую значимость составляет наглядная демонстрация особой подсистемы лексики популярного экономического дискурса. Практическая значимость заключается в усвоении специфики научного стиля через экономический текст как своеобразный языковой материал. Работа состоит из двух глав: теоретической и практической. В теоретической части рассматриваются определения метафоры как языкового феномена, который привлекает внимание большого количества учёных. В практической части излагаются примеры, взятые из разных экономических дискурсов на русском и английском языках, с целью установить функции и особенности метафор и их употребление в такого типа текстов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

1.1 Понятие концептуальной метафоры

Наш опыт структурируется многими операциями, среди которых выделяются концептуальные метафоры. Теория концептуальной метафоры является сегодня одной из перспективных исследований.

По мнению создателей теории блендинга Ж.Факонье и М.Тернера, концептуальная метафора представляет собой основную ментальную операцию, которая приводит к появлению нового значения, к так называемой концептуальной компрессии. Именно появление у человека способности к концептуальной интеграции стало решающим фактором, обусловившим появление языка [Факонье Ж., Тернер М., <http://tecfa.unige.ch/tecfa/malitt/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.pdf>].

В языкознании исследование метафоры определено долгое время носило фрагментарный и прикладной характер, она обычно рассматривалась как одно из экспрессивных средств речи или способов развития полисемии в языке. Однако метафора привлекала внимание исследователей еще с античных времен, начиная с Аристотеля, Цицерона, Дионисия Фракийского, Квинтилиана.

Вопросам когнитивной лингвистики посвящены работы как отечественных исследователей, среди которых: Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, Н.Ю. Бородулина, Э.В. Будаев, А.А. Залевская, А.В. Зацепин, Е.В. Зацепина, Е.В. Колотнина и другие; так и зарубежных исследователей: L. Arcimavičienė, J. Cibilskienė, W. Croft, E. Dąbrowska, G. Fauconnier, A.E. Goldberg, G. Lakoff и другие.

Поскольку основной характерной чертой метафоры является переносное значение, с точки зрения классической теории, она рассматривается как стилистическая фигура или риторический троп. «Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств – частью какого-то особенного, а не

повседневного языка. Более того, метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью» [Лакофф, Джонсон 2008: 25].

Для иллюстрации механизма метафорического переноса А. Гудавичюс (A. Gudavičius) предлагает следующую схему (рис.1):

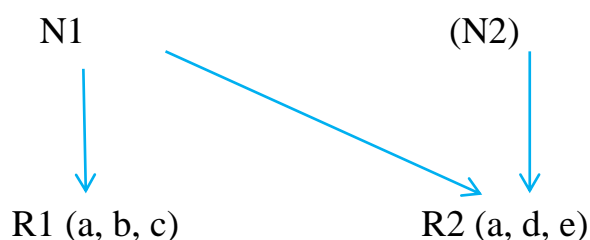

Рисунок 1 - Механизм метафорического переноса А. Гудавичюса (A. Gudavičius)

где N1, N2 – объекты действительности, а R1, R2 – их названия. По причине определенного сходства объектов (общая сема «а») название первого (N1) используется и для называния второго объекта (R2); у него, как правило, уже имеется свое название, поэтому метафоризация называется вторичной номинацией [Gudavičius 2009:114].

Таким образом, метафора считается важным средством языкового выражения, обладающим эмоциональной окрашенностью.

Такое понимание метафоры было ведущим до середины XX века. В 50-60-е гг. прошлого столетия ученые пришли к выводу о том, что «собственно лингвистическими методами вопрос об эффективности метафорического воздействия решить невозможно, и поэтому лингвисты вынуждены обращаться к междисциплинарным эвристикам <...>» [Будаев, <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm>], и, тем самым, обратили внимание на особенности познавательной деятельности человека и его когнитивные способности.

В науке зародилось новое направление – когнитивная наука, объектом изучения которой стала когниция или «процесс, охватывающий получение, обработку, хранение и использование знаний» [Papaurelytė-Klovienė, 2007:

13]. В свою очередь, в языкознании появилась когнитивная лингвистика, рассматривающая язык как «способ описания когнитивных механизмов».

По мнению А. Гудавичюса, суть когнитивной лингвистики заключается в том, что языковые способности человека неотделимы от всей остальной психической деятельности – восприятия, воображения, мышления, а метафора рассматривается не как основная особенность использования специфического поэтического языка, но как способ мышления и познания, реализующийся в языке через метафорические высказывания [Gudavičius 2009: 125].

Понимание метафоры как ментального процесса, способа познания окружающего мира, сыграло важную роль в ее изучении. По мнению Н.Д. Арутюновой, «центр тяжести в изучении метафоры переместился: в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990: 5-6].

В результате, традиционная теория метафоры отошла на второй план, уступив место когнитивной теории. Она, в свою очередь, рассматривает метафору, как «лингвистический, концептуальный, социокультурный, умственный, телесный феномен, который существует на всех этих различных уровнях одновременно, и включает в себя не только язык, но и концептуальную систему, а также социокультурную структуру, деятельность нервной системы и тела» [Kövecses 2005: 9].

В когнитивистике существует общий подход к исследованию метафоры, но при более пристальном изучении выделяют несколько направлений в интерпретации данного лингвистического явления. Среди них пять направлений:

- теория концептуальной метафоры (conceptual metaphor theory);

- дескрипторная теория метафоры (descriptive theory of metaphor);
- теория метафорического моделирования (metaphorical modeling theory);
- теория концептуальной интеграции (theory of conceptual integration);
- теория первичных метафор (theory of primary metaphors).

Представленные теории выбраны нами по принципу «фамильного сходства». Так, три первые теории берут свое начало из теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, считающейся фундаментальной, однако дескрипторная теория и теория метафорического моделирования расширяются и дополняются новыми понятиями и идеями. Теория концептуальной интеграции и теория первичных метафор стоят особняком в исследовании метафоры, их развитие идет параллельно основной теории Лакоффа и Джонсона. Объединяющим звеном между избранными теориями является понятие «метафора», видение которой у каждого исследователя свое.

Опубликованная ими в 1980 году книга “Metaphors We Live By” («Метафоры, которыми мы живем») стала революционной. Авторы разработали теорию, которая окончательно систематизировала описание метафоры как когнитивного механизма. Основная идея этой теории заключалась в том, что метафора не ограничивается только сферой языка. Процессы мышления человека сами по себе в значительной степени являются метафоричными.

Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична, <...> то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон 2008: 25].

Более того, авторы полагают, что, поскольку «процессы человеческого мышления в значительной степени метафоричны», метафоры «как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются

метафорами концептуальной системы человека». Данные метафоры были названы авторами «концептуальными».

Теория концептуальной метафоры, представленная американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, базируется на том, что метафора – главный механизм, через который человек осмысливает абстрактные понятия и представляет абстрактные рассуждения. Суть метафоры состоит в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф 2004: 27].

Концептуальная метафора основывается на отображении, или проекции (metaphorical mapping), через концептуальные области. Любое отображение отличается постоянным набором онтологических соответствий между содержаниями в сфере-источнике (source domain) и содержаниями в сфере-цели (target domain) на основе гипотезы инвариантности (invariance hypothesis). Смысл данной гипотезы заключается в проекции отображения сферы-источника в сферу-цели, которая обладает неповторимой структурой.

Учеными выделяются два типа отображений: концептуальные когнитивные метафоры и образные отображения. Вместе с тем концептуальная метафора подразделяется на онтологическую, структурную и ориентационную метафоры [Лакофф 2004: 49].

Таким образом, выявляется двойственность метафоры, предстающей образным отображением действительности и элементом когнитивной структуры человека.

После опубликования вышеуказанного научного труда когнитивная теория быстро приобрела сторонников и оппонентов. Так, американский логик М. Блэк (1990) придерживался во многом схожей с Дж. Лакоффом точки зрения, однако расходился с ним в вопросе терминологии. М. Блэк отказался от предложенного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном термина концептуальной метафоры и предложил новый термин – «когнитивная метафора». В основе теории учёного лежала идея о том, что значение слова определяется только в речемыслительном контексте при его взаимодействии

с другими словами. Более того, он считал, что метафора является не утверждением факта, а средством репрезентации положения вещей, поэтому к ней нельзя применить категорию истинности. «В отличие от научного знания система общепринятых ассоциаций может содержать полуправду и даже ошибочные сведения <...>, но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании» [Блэк 1990: 164].

Дескрипторная теория метафоры, которая основывается на когнитивной теории метафоры, была предложена А.Н. Барановым. Ученый выделяет метафорическую проекцию между областью отправления функции отображения и ее областью прибытия.

А.Н. Баранов отмечает, что «элементы областей отправления и назначения не ограничены по степени сложности» и не однозначны в метафорической проекции [Баранов 2003: 77]. Это явление было названо ученым «мерцанием» метафоры, которое способно «порождать недискретное дискретными языковыми знаками – номинациями сферы источника и сферы цели» [Баранов 1994].

Для описания функции отображения ученый вводит язык семантических дескрипторов, где область отправления описывается сигнификативными дескрипторами, а область цели – денотативными дескрипторами [Баранов 2003: 79].

В области отправления каждая метафора характеризуется несколькими сигнификативными дескрипторами, которые четко упорядочены (от более конкретного к более абстрактному). Кроме того, в области прибытия ей присущи денотативные дескрипторы, которые описывают различные сферы жизнедеятельности.

В своей работе «О типах сочетаемости метафорических моделей» [Баранов 2003] ученый вводит такие понятия, как парадигматическая модель метафорической проекции (упорядоченность сигнификативных и денотативных дескрипторов), синтагматическая модель метафоризации (пара сигнификативного и денотативного дескрипторов), реализация

метафорической модели в дискурсе (множество пар сигнификативного и денотативного дескрипторов в рамках одной метафорической модели). А.Н. Баранов приходит к выводу, что синтагматическая и парадигматическая модели метафоризации формируют дескрипторную модель метафоры.

По мнению ученого, метафорические модели (М-модели) – это тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов, которые подразделяются на фоновые метафорические модели, фигурные М-модели, модели-конstellляции [Баранов 2003: 75-83].

Теория метафорического моделирования разрабатывается отечественным лингвистом А.П. Чудиновым. Данная теория, как и предыдущая, основывается на классической когнитивной теории метафоры.

В работе «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [Чудинов, 1991-2000] ученый представляет собственное видение метафоры, механизм ее функционирования, описывает метафорическую модель, а также обращает внимание на некоторые подходы к выделению метафорических моделей и их описанию.

В другой книге «Политическая лингвистика» [Чудинов, 2008] ученым затрагивается тема о двойственной природе метафоры. В каждой метафоре отражено мировосприятие одного человека и передано его текущее настроение, но в то же время метафора входит в состав совокупности метафор, которые складываются в «метафорическую мозаику», где отражено национальное сознание [Чудинов 2008: 123].

В рамках данной теории метафора является «основной ментальной операцией, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов 1991-2000: 32-33].

Что касается отличий от концептуальной теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Чудинов предлагает значительно расширить список базовых концептуальных метафор для анализа политической метафоры, поскольку, по

его мнению, человек, природа, общество и окружающие нас предметы являются самыми главными источниками «метафорической экспансии». В этой связи он выделяет антропоморфную метафору, метафору природы, социальную метафору и артефактную метафору [Чудинов 1991-2000: 46-47].

Кроме того, Чудинов предлагает более развернутую характеристику концептуальной метафоры, определяя ее особой системой «взаимодействующих зеркал, состоящей из трех элементов»:

- 1) ментальный мир человека и общества в целом;
- 2) природа метафоры, ее восхождение к наивной картине мира;
- 3) отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере [Чудинов 1991-2000: 47-50].

Теория концептуальной интеграции, или теория блендинга (blending theory), является одним из перспективных направлений исследования в области метафоры в современной когнитивистике. Ее основоположниками считаются американские когнитивисты Ж. Фоконье и М. Тернер. Данная теория строится на основе синтеза теории концептуальной метафоры и концепции ментальных пространств (mental spaces), предложенной Ж. Фоконье.

Язык и мышление объединяются с помощью отображений (mappings) трёх видов: проекционного отображения, прагматически-функционального отображения и схематического отображения. Проекционное отображение происходит за счёт перехода из сферы-источника в сферу-мишень. Прагматически-функциональное отображение связано с двумя категориями объекта, соединенными прагматической функцией. Третий вид отображений происходит при применении общих схем, фреймов или моделей для структурирования ситуации посредством грамматических конструкций [Fauconnier 1998: 9-11].

Под концептуальной интеграцией понимается базовая когнитивная операция, осуществляющаяся по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеющая чёткую структуру, которая включает в себя

ментальные пространства [Fauconnier 2006: 133]. Ментальные пространства (mental spaces) – это отдельные структуры, возникающие в сознании людей, когда они думают или говорят. В отличие от двухдоменной модели метафоры (two-domain model) авторы выделяют четыре ментальных пространства: базовое пространство (generic space), входные пространства (source-input space, target-input space), и смешанное пространство или бленд (blended space, blend). Эта многопространственная модель (many-space model) является качественным скачком в развитии метафоры.

Бленды выстраиваются с помощью композиции (composition), завершения (completion) и развития (elaboration). Композиция – это проекция содержания от одного исходного пространства к другому, а затем их смешение в бленде. На стадии завершения образуется новое смешанное пространство благодаря его пополнению фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями. Развитие ведет к следующему мысленному моделированию смешанного пространства [Grady 1997: 314].

Теория первичных метафор Дж. Греди заключается в том, что существуют некие базовые события (basic events), возникающие постоянно в различных контекстах в нашей жизни [Grady 1997: 20]. Люди от природы наделены способностями воспринимать, анализировать и реагировать на полученный опыт. Подобные реакции посредством когнитивных способностей показывают, что базовые события являются особыми видами событий. Субъективный (феноменологический) опыт, полученный при взаимодействии с базовыми событиями, включая аспект восприятия и реакции на них, называется первичной сценой (primary scene) [Grady 1997: 23]. Первичные сцены образуются парными эмпирическими величинами, носящими название субсцены (subscenes).

Еще одно понятие, которое находится в тесной связи между величинами опыта и их ассоциациями в нашем разуме, называется связыванием (binding). Перечисленные понятия приводят к пониманию ключевого явления данной теории – первичным метафорам (primary

metaphors). Каждая первичная метафора включает в себя связывание между различными концептами (primary source and target concepts), возникающее из первичных сцен и взаимосвязей, характерных для них.

Таким образом, когнитивная теория метафоры Лаккофа и Джонсона до сих пор актуальна и признана многими учеными. Тем не менее, наполнение при изучении метафоры, количество базовых концептуальных метафор отличается в избранных теориях.

Интересной, на наш взгляд, была предложенная канадским ученым Э. Мак Кормаком (1990) концепция. Как и М. Блэк, он считал, что метафора есть результат когнитивного процесса, однако, в отличие от других ученых, рассматривал метафору на основании иерархии глубинных познавательных структур, порождающих язык, и писал о том, что «любая объяснительная теория метафоры неизбежно предполагает лежащую в основе «базисную метафору», на которой строится объяснение. Базисные метафоры – это исходные теоретические представления о природе метафоры» [Мак Кормак 1990: 361].

Данный исследователь также выделяет «буквальный язык», который, по его мнению, отличается от метафорического языка и не зависит от познавательного процесса метафоризации. Именно буквальный язык обеспечивает «общий объективный фон, позволяющий судить о значении и частичной истинности метафор» [Мак Кормак 1990: 360].

Когнитивная теория метафоры имеет и противников. Так, философ Д. Дэвидсон (1990) отрицает не только когнитивный потенциал метафоры, но и само понятие ее семантики, считая, что значение метафоры заключается только в буквальном значении входящих в нее слов. В работе “What Metaphors Mean” («Что означают метафоры») он пишет о существовании ошибочного мнения о том, «будто метафора наряду с буквальным смыслом или значением наделена еще и некоторым другим смыслом или значением. Это заблуждение свойственно многим. <...> Взгляд на метафору как на средство передачи идей, пусть даже необычных, кажется мне столь же

неверным, как и лежащая в основе этого взгляда идея о том, что метафора имеет особое значение» [Дэвидсон 1990: 174].

В отличие от М. Блэка, считавшего, что «метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения» (Блэк, 1990: 158), Д. Дэвидсон утверждает, что метафору нельзя перефразировать, «потому, что просто нечего перефразировать. <...> Метафора не сообщает ничего, помимо своего буквального смысла» [Дэвидсон 1990: 174].

Мы считаем, что приведенные выше теории, на наш взгляд, наилучшим образом отражают основные идеи и положения данного направления.

Тем не менее, следует отметить, что в последнее десятилетие изучение метафоры стало выходить за рамки когнитивной науки. Механизмом метафоры заинтересовались представители таких дисциплин, как: нейропсихология, физиология и антропология. Метафора рассматривается в ее взаимодействии с деятельностью центральной нервной системы человека, его сенсомоторным опытом, а также с учетом культурного и исторического опыта индивида: «метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте» [Лакофф, Джонсон 2008, с. 42].

Представители данного направления считают, что человеческое тело является источником языковых метафор, поскольку между моторным опытом человека и языковым пониманием существует глубокая связь [Gibbs, Wilson 2002]

В статье “Bodily Action and Metaphorical Meaning” («Физическая деятельность и метафорическое значение») ученые Р. Гиббс (R. Gibbs) и Н. Вилсон (N. Wilson) описали проведенный ими эксперимент о подсознательном характере базовых концептуальных метафор. В ходе эксперимента была установлена связь между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. Результаты данного исследования показали, что использование метафор не зависит от национальности

испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков) [Gibbs, Wilson 2002].

Д. Ритчи (D. Ritchie), автор большого количества работ, посвященных роли коммуникативного контекста, телесного и индивидуального опыта человека в понимании метафор, считает, что человеческое мышление опосредовано телесным опытом, поэтому метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации [Ritchie 2004].

Понимание метафор непосредственно связано с уровнем общих знаний и убеждений участников коммуникации. По мнению Д. Ритчи, каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте, поэтому восприятие метафоры людьми может значительно варьироваться и зависеть от сходства когнитивных картин индивида.

Тем не менее, согласно ученому, на сегодняшний день предпринято мало систематических попыток в развитии теорий интерпретации метафор во взаимосвязи с тем, что уже известно о деятельности нервных клеток головного мозга.

В российской лингвистике вопросы взаимодействия метафоры и человеческого сознания получили развитие в последнем десятилетии XX века после публикации в 1990 году сборника «Теория метафоры», включающего переводы статей и глав из научных трудов известных ученых, занимающихся проблемами изучения метафоры. Данный сборник имел важное значение для становления нового (когнитивного) подхода в России.

В короткие сроки когнитивная метафора стала одним из основных объектов исследований российских лингвистов (см.: Н.Д. Арутюнова (1990), А.Н. Баранов (1991), В.А. Суровцев (1998), (1999), В.Н. Сыров (1998), (1999), А.П. Чудинов (2001a) и др.). «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая

разные области знания — философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики» [Арутюнова 1990: 5].

По мнению О.Н. Чарыковой, «когнитивная лингвистика ввела в научный обиход категории, с помощью которых стало возможным говорить о процессе усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков» [Чарыкова 2009: 82].

Следует отметить, что российские лингвисты уделяют большое внимание изучению метафоры в различных дискурсах: политическом, научном, медицинском, спортивном и т.д. (см. работы Т.Г. Скребцовой (2002), А.П. Чудинова, (2001б), (2006б), (2006в), (2008), Э.В. Будаева (2006а), (2006б), (2006в), О.Л. Юдиной (2009) и др.).

По словам С. Папаурелите-Кловене (S. Papaurėlytė-Klovienė) (2007), в Литве когнитивная лингвистика только начинает завоевывать более твердые позиции, тем не менее в литовской лингвистике на сегодняшний день имеется много посвященных изучению данной проблемы исследований (см.: A. Gudavičius (2007, 2009), R. Marcinkevičienė (1999, 2006), S. Papaurėlytė-Klovienė (2007), S. Lapinskas (2007), L. Arcimavičienė (2009), J. Vaičenonienė (2009), J. Cibulskienė (2010) и др.), однако, согласно Ю. Вайчнянене (J. Vaičenonienė), «не всем аспектам данного лингвистического феномена [метафоры] уделяется одинаковое внимание» [Vaičenonienė 2009: 38].

Очень интересной, на наш взгляд, является идея Р. Марцинкявичене (R. Marcinkevičienė) (2006) о том, что концептуальная метафора связана с языковой или мертвой метафорой. Автор пишет: «Метафоры, которые приобрели постоянное языковое выражение и стали обычными, в английском языке называются мертвыми. Такое название служит для указания на их неосознаваемую метафоричность (в литовском языке предложили называть их языковыми метафорами, подчеркивая, таким образом, их

конвенциональность и противопоставленность оригинальным, авторским или литературным метафорам)» [Marcinkevičienė 1999: 109]. При использовании оригинальной/авторской метафоры, т.е. непосредственного ассоциативного переноса, человек осознанно, мысленно обращается к изначальным предметам/явлениям и переносимому качеству/свойству. Тем не менее, в силу частого употребления или деформации изначальной связи между предметами и качествами языковые метафоры не воспринимаются носителями языка метафорами в традиционном смысле.

Поскольку объектом нашего исследования является метафора в экономическом дискурсе, полагаем необходимым провести краткий обзор степени изученности данного феномена в когнитивной лингвистике.

1.2 Основные положения когнитивной лингвистики

Когнитивная лингвистика, по словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, исследует «ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2006: 9].

В конкретных научных терминах объект лингвокогнитологии можно определить следующим образом: когнитивная лингвистика изучает язык в его взаимосвязи с основными когнитивными (познавательными) процессами – категоризацией и концептуализацией. Объектом изучения также являются собственно результаты этих процессов – ментальные феномены (концепты и категории), в формировании которых участвует язык.

Предмет лингвокогнитивных исследований может варьироваться – в зависимости от аспекта изучения лингвокогнитивных процедур, от типа когнитивных структур и лингвистического материала, репрезентирующих знания человека о мире и о себе самом. Е.С. Кубрякова подчеркивает: «У разных исследователей в фокусе внимания могут находиться либо вопросы о

том, какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (т. е. каковы когнитивные основания этих форм), либо вопросы о том, с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [Кубрякова 2009: 12].

В качестве генеральной цели когнитивной лингвистики ученые видят изучение когнитивной функции языка (т.е. функции познания) во всех ее проявлениях.

Достижение поставленной лингвокогнитологами цели предполагает решение целого ряда общих и частных задач.

Общую формулировку задач когнитологии предложила Е.С. Кубрякова, указав, что в задачи когнитивной науки «входит и описание /изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004: 8–9].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в «Очерках по когнитивной лингвистике» отметила ряд конкретных задач, стоящих перед лингвокогнитологией:

- четкое разграничение когнитивной лингвистики и когнитологии, концептосферы и языковой сферы (семантического пространства языка), концепта и языковых средств его выражения;
- определение основных понятий, прежде всего – понятия концепт;
- типология концептов;
- разработка поэтапной методики лингвокогнитивного анализа, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы давала бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощенных в языке концептов [Попова, Стернин 2001: 17].

Н.Н Болдырев указывает в качестве одной из важнейших задач когнитивной лингвистики «выявление и описание концептуальной основы

языка как системы и как определенного рода деятельности. Это, в свою очередь, связано с необходимостью постановки и решения таких проблем, как типы и форматы знания, способы их репрезентации в языке, взаимодействие структур знания и языковых структур, принципы и механизмы концептуализации и категоризации в языке и другие» [Болдырев 2009: 25].

Л.А. Фурс отмечает, что в науке описаны общие когнитивные процессы, раскрывающие особенности работы человеческого сознания (см. работы Р. Лэнекера по когнитивной грамматике, работы Л. Талми по концептуальной семантике), а также представлена классификация когнитивных моделей, лежащих в основе когнитивной обработки информации о мире (работы Дж. Лакоффа), и объяснены механизмы концептуальной интеграции при формировании значения языковой единицы (работы Ж. Фоконье). Исследователь подчеркивает ценность этих исследований, которая заключается в том, что в них намечены механизмы конструирования языкового значения, ср.: «Как указывают У. Крофт и А. Круз, операции конструирования являются проявлениями базовых когнитивных способностей человека к восприятию и осмыслению информации о мире, которые можно классифицировать по четырем направлениям:

- 1) Особенности внимания (селективность, широта, фокус, динамика);
- 2) Способность сравнивать (категоризация, метафоризация, сравнение на основе отношений «фигура – фон»);
- 3) Перспективизация (установление точки зрения, определение дейктических отношений и фокуса субъективности / объективности);
- 4) Гештальтность восприятия (схематизация отношений, отношения на основе динамики силы, релятивные отношения) [Croft, Cruse 2004: 46].

Целью данных операций является организация информации в речемыслительных процессах. Фактически, эти операции представляют собой оперативное знание, знание процедур, лежащее в основе процессов

конструирования» [Фурс 2009: 287]. По мнению исследователя, ключевой задачей когнитивной лингвистики является установление взаимодействия названных когнитивных и языковых структур в процессах структурирования, хранения и передачи знания.

В настоящее время учеными сформулированы постулаты и общие принципы когнитивной лингвистики как научного направления. Следует оговориться, что в методологии науки термины постулат и принцип разграничиваются. Отличаются эти понятия как минимум двумя признаками: во-первых, областью, или широтой, научного применения (т.е. степенью универсальности); во-вторых, степенью доказанности, экспериментальной обоснованности. Постулаты являются такими теоретическими «положениями-предположениями», которые условно принимаются как неоспоримые и не нуждающиеся в доказательстве, т.е. такие фундаментальные положения, которые принимаются за основу целой теории или даже целого направления в науке. Так, автор «Философского словаря» И.Т. Фролов понимает постулат как «утверждение некоторой научной теории, принятое в ней в качестве исходного, недоказуемого в ее рамках», и подчеркивает, что в современной логике и методологии науки это понятие часто отождествляется с понятием аксиома [Философский словарь 2001: 353].

По словам Т.Г. Скребцовой, ученые, стоявшие у истоков когнитивной лингвистики, провозгласили основным постулатом данной науки связь языка и когниции [Скребцова 2011: 8]. При этом «когниция охватывает в совокупности процесс достижения знания (т. е. познание) и его результат (т. е. знание)» [Кубрякова 1994: 35]. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, когнитивная лингвистика базируется на нескольких постулатах, среди которых:

- 1) Постулат о примате когнитивного;
- 2) Постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания;

- 3) Постулат о тенденции к экономии усилий;
- 4) Постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке;
- 5) Постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения;
- 6) Постулат о множественности семантического описания;
- 7) Постулат о значимости нестандартных употреблений» [Баранов, Добровольский 1997: 11].

Не менее важны для теоретико-методологического обоснования научных исследований т.н. принципы, т.е. такие теоретические положения, которые нуждаются в обосновании и должны быть доказаны экспериментальным путем. Только после убедительного обоснования принципы могут быть приняты как безапелляционная основа для дальнейших научных изысканий, но и они в результате новых экспериментов могут быть подвергнуты корректировке. По области применения принципы могут быть общенаучными (универсальными) и специализированными, т.е. актуальными либо для определенных научных областей (философские принципы, принципы психологических исследований и т.д.), либо для конкретных научных теорий (принципы филологического анализа, принципы языковой категоризации и т.д.).

Среди фундаментальных принципов когнитивной лингвистики Н.Н. Болдыревым отмечаются следующие:

- 1) Принцип антропоцентризма (признание ведущей роли человека в организации и использовании языка);
- 2) Междисциплинарный характер исследования (использование достижений различных наук при изучении языка с когнитивных позиций);
- 3) Понимание языка как когнитивной способности наряду с другими когнитивными способностями человека;
- 4) Многоуровневость значений языковых единиц (рассмотрение языка в когнитивном контексте);

5) Уровневый характер процессов языковой концептуализации и категоризации [Болдырев, 2004: 23 – 24; Болдырев 2013: 7 – 8];

6) Принцип структурно-функциональной целостности (рассмотрение языка и речи как единого объекта изучения в когнитивной лингвистике) [Болдырев 2008: 11].

Е.С. Кубрякова во главу угла ставит принцип равноправия двух основных функций языка – когнитивной и коммуникативной, которые обобщаются в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Кубрякова, 2009б: 13]. Н.А. Беседина вслед за Е.С. Кубряковой поясняет: «При акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина 2010: 33].

Помимо принципов антропоцентричности, междисциплинарности и когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка, Н.А. Беседина выделяет принцип многофакторности и системности, понимая под этим описание языкового явления как коммуникативно-когнитивной единицы и как элемента более высоких систем, частью которых является язык; принцип концептуального единства языка и речи; принцип разграничения концептуального и семантического уровней, предполагающий дифференциацию неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что подчеркивает различие языковой и концептуальной картин мира [Беседина 2010: 33 – 35].

Т.Г. Скребцова сформулировала десять фундаментальных принципов когнитивной лингвистики, среди которых обозначила:

1) Холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком (т.е. осознание их целостной взаимосвязи);

2) Принцип осмысления языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов, что позволяет через язык изучать особенности мышления и познавательные процессы человека;

3) Принцип органической взаимосвязи языкового знания и психики человека;

4) Антропоцентрический принцип;

5) Принцип признания центральной роли физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы;

6) Принцип учета субъективных факторов, влияющих на когнитивные процессы;

7) Принцип изучения языка в его функционировании;

8) Принцип сосредоточенности на изучении языковых значений (семантике языка), являющихся связующим звеном между языком и когницией;

9) Принцип экспланаторности, т.е. установка не на описание, но на объяснение языковых реалий;

10) Принцип открытости когнитивной лингвистики по отношению к различным областям знаний [Скребцова 2011: 26 – 29].

Эва Дабровска указывает, что лингвокогнитологи, несмотря на различие подходов к изучению лингвоментальных единиц и разнообразие методик их анализа, придерживаются трех фундаментальных принципов когнитивной лингвистики, утверждающих приоритет таких аспектов экзистенции языка, как передача смысла, связь с мозгом человека, детерминированность грамматики реальным употреблением языковых единиц. [Дабровска 2016: 479].

Очевидно, что указанные постулаты и принципы лежат в основе всех лингвокогнитивных исследований, независимо от частных способов и приемов изучения процессов категоризации и концептуализации и результатов когнитивной деятельности человеческого сознания.

1.3 Сущность концепта

В отечественной когнитивной лингвистике концепт, по заключению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является ключевым понятием. Однако, несмотря на то, что данное понятие прочно утвердилось в науке, интерпретация его содержания «существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых», поскольку как категория «мыслительная, ненаблюдаемая» феномен концепта дает большой простор для его толкования (З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова З.Д., Стернин И.А., 2007: .21]). В зависимости от направления специфицируется интерпретация содержания научного понятия «концепт». Попова З.Д. и Стернин И.А. выделяют основные направления, сформировавшиеся в отечественной когнитивной лингвистике:

1) Культурологическое (Ю.С. Степанов): концепты исследуются как «элементы культуры»; язык рассматривается как «один из источников знаний» о них;

2) Лингвокультурологическое (С.Г. Вокачев, А.В. Зацепин и Е.В. Зацепина, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев): маркированные языковыми именами концепты изучаются как «элементы национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями» и спецификой соответствующей лингвокультуры; исследования ведутся по принципу «от языка к культуре»;

3) Логическое (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис): концепты анализируются «логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы»;

4) Семантико-когнитивное (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова): исследуются «лексическая и грамматическая семантика языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере»;

5) Философско-семиотическое (А.В. Кравченко): концепт изучается как одна из «когнитивных основ знаковости» [Попова З.Д., Стернин И.А. 2007: 12].

В культурологическом направлении концепт, по трактовке Ю.С. Степанова, это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций – симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2004: 40-41]. Роль языка определяет В.Н.Телия: учитывая, что «концепт – это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии», очевидно, что «роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством, формой оязыковления сгустка культуры концепта» [Телия 1995: 32].

В лингвокультурологическом направлении В.В. Колесов определяет концепты как «основные единицы ментальности, которые в границах словесного знака и языка в целом предстают (являются) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Колесов 2012: 81]. В изучении концепта учитывается ценностная взаимосвязь языка и культуры. Язык как часть национальной культуры «концептуализирует и отражает все ее элементы, косвенно репрезентируя национальные формы жизни народа и его психологию»; концепты в качестве «базовых элементов языка объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними через сгустки культуры, в которых отображается менталитет народа» [Зацепин, Зацепина 2013].

В рамках логического направления Р.И. Павиленис понимает концепты как «интенциональные функции, определяющие множество объектов или предметов; значениями такой функции могут быть объекты (предметы) действительного мира, объекты (предметы) возможных миров» [Павиленис, 1983: 32]. По уточнению А.П. Бабушкина (интеграция логического и

лингвокультурного направлений): «Концепт является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются. Считается, что главная роль, которую играют концепты в мышлении, – это именно категоризация, позволяющая сгруппировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы» [Бабушкин 1996: 16].

В семантико-когнитивном направлении Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова 1996: 90-92]. Попова З.С. и Стернин И.А. трактуют его как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007].

В философско-семиотическом направлении, представленном А.В. Кравченко, концепт, очевидно, понимается как динамическая единица когниции, отражающая результаты «сопряжения организма со средой», где «структура самого организма есть результат истории взаимного структурного сопряжения между организмами» [Кубрякова: 212]. При этом когниция – это «функция живых систем как единств взаимодействий, существующих в структурном сопряжении со средой, а языковая деятельность – это поведение в консенсуальной области, которое выступает как описание структуры организма в момент осуществления деятельности»; язык же – это «определенный видности в «консенсуальной области», и состояние и

структура организма «описывается» посредством языковой деятельности в момент осуществления какого-либо вида деятельности.

В западной когнитивной лингвистике (или Cognitive Linguistic Enterprise) концепт не является центральным понятием, но входит в ключевой категориально-понятийный аппарат.

Под концептом, по обобщению В. Эванс, понимают «фундаментальную единицу знания, центральную по отношению к категоризации и концептуализации», обусловленную перцептивным опытом, связанную с процессом анализа перцептивного значения ('perceptual meaning analysis'), обеспечивающую формирование концептуальной системы. Процесс анализа перцептивного значения актуализирует рудиментальные концепты – образы-схемы ('image schema'). Концепты, которые кодируются в специфическом формате языка, именуются лексическими ('lexical concept'). Будучи относительно стабильными когнитивными единицами, концепты модифицируются в процессе опыта [Evans 2007: 31].

В западной когнитивной лингвистике выделились два основных направления – по данным В. Эванс [Evans 2007: 22]:

1) Когнитивная семантика (К. Бейкер, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. Тайлер, М. Тернер, Ч. Филлмор, Дж. Фоконье, В. Эванс): исследует отношения между опытом, концептуальной системой (хранилище концептов, доступных человеческому существу; образует структурированный и организованный «инвентарь», который фасилитирует категоризацию и концептуализацию [Evans 2007: 38]) и семантической структурой (форма, которую приобретает концептуальная структура для кодирования и экспортирования с помощью языка; охватывает семантические единицы, конвенционально ассоциируемые с лингвистическими формами [Evans, 2007: 195]), кодируемой языком; язык используется в качестве «линзы», через которую исследуются когнитивные феномены концептуальной структуры (репрезентация знания) и концептуализации (конструирование значения) [Evans 2007: 26-27];

2) Когнитивные подходы к грамматике (А. Голдберг, П. Кей, Р. Лангакер, Л. Талми, Ч. Филлмор): грамматическое направление сфокусировано на моделировании языковой системы (ментальной «грамматики» – mental ‘grammar’) способами, согласующимися с принципами «обязательства обобщения» – ‘generalisation commitment’ (всовместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [Langacker 2008: 212-213]. В когницию как функцию взаимодействия живых систем интегрируется язык как вид совместной деятельности организации различных языковых систем существуют общие принципы [Evans 2007: 88-89], и «когнитивного обязательства» – ‘cognitive commitment’ (язык и лингвистическая организация, вероятно, отражают общие когнитивные принципы, а не исключительно специфические языковые [Evans 2007: 19, 17].

Основные принципы когнитивной семантики раскрываются, как заключает В. Эванс, прежде всего, в теориях концептуальной метафоры – conceptual metaphor theory (Дж. Лакофф и М. Джонсон), «смешивания» или интеграции – blending theory (Дж. Фоконье и М. Тернер), фреймовой семантики – frame semantics (Ч. Филлмор и К. Бейкер), лексического концепта и концептуальной модели – Lexical Concept and Cognitive Model, LCCM theory (В. Эванс), принципиальной полисемии – principled polysemy (В. Эванс и А. Тайлер) [Evans 2007: 26-27].

Conceptual metaphor theory (Дж. Лакофф и М. Джонсон), по результатам анализа исследования ее разработчиков раскрывается рядом следующих основных положений: сама мысль метафорична по сути; концептуальная метафора это средство познания мира, механизм организации опыта человека, структурирования знаний; ее суть заключается в том, что переживания и явления одного рода осмысливаются в терминах переживаний и явлений другого рода, сходных по определенным признакам с первыми; метафора как стилистическая фигура это отражение концептуальной метафоры; язык и сознание взаимодетерминированы – «наша обыденная

понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные», а «благодаря языку, мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия» [Lakoff 1980].

Blending theory (Дж. Фоконье и М. Тернер) представляет следующие основные тезисы. Концептуальный механизм ‘conceptual blending’ является уникальной человеческой способностью, и предполагает: способность создавать новые значения на основе уже существующих; конструирование значения вовлекает интеграцию структур, которые, «смешиваясь», взаимодействуя, приводят к синергетическому эффекту, когда результат «смешивающихся» компонентов превосходит их сумму; интегрированное ментальное пространство выстраивается на основе некоего количества «входных пространств» (‘input spaces’) – по результатам анализа работ Дж. Фоконье и М. Тернера [Turner 2006], В. Эванс [Evans 2007] и В.В. Глебкина [Glebkin 2013].

Frame semantics (Ч. Филлмор, К. Бейкер), по результатам анализа работы Ч. Филлмора и К. Бейкера [Baker 2010], вводит понятие семантического фрейма. Семантический фрейм представляет собой специфическую взаимосвязь лексической единицы (обусловленная контекстом события паробразующая связь слова с одним из его значений) и когнитивного фрейма неязыкового знания (когнитивные структуры, детерминирующие порождение любого знания в опыте человеческой активности вообще) [Fillmore, Baker 2010: 314-319]. В опыте социокультурной коммуникации он определяется, с одной стороны, в семасиологическом аспекте декодирования – посредством которого объясняется «семантический импорт лингвистических структур», и, с другой стороны, ономасиологическим аспектом кодирования – посредством которого исследуются концепты относительно того, как они могут выразиться лингвистически; глубина понимания события зависит от знания особенностей социокультурного контекста [Fillmore, Baker 2010: 318]. В

фреймовой семантике измерение значения осуществляется в терминах когнитивных структур (фреймов), которые оформляют понимание лингвистических форм говорящим [Fillmore, Baker 2010: 318].

LCCM theory (В. Эванс) базируется, по сути, на прагматическом подходе, и представляет «основанную на пользовании модель языка» ('usagebased model of language'). В теории проводится различие между лексическими концептами (семантические единицы, конвенционально ассоциируемые с лингвистическими формами и образующими интегральную часть индивидуальной ментальной грамматики пользователя языка) и значениями (свойство речи, а не столько слов или лингвистических единиц) [Evans 2007: 120].

Principled polysemy (В. Эванс и А. Тайлер) проводит различие между смыслами, сохраненными в семантической памяти, и контекст-зависимыми значениями, конструируемыми «он-лайн», для того чтобы определить особый смысл – прототипический или центральный, отличный от других [Evans 2007: 170]. Грамматическое направление западной когнитивной лингвистики базируется на так называемом «символическом тезисе» ('symbolic thesis'): лингвистическая единица представляет собой символическую взаимосвязь образующей значение пары единиц открытого класса (лексические формы) и закрытого класса (грамматические формы); грамматическая семантика и лексическая семантика взаимозависимы и друг друга дополняющие (В. Эванс [Evans 2007: 208]).

Когнитивно-грамматическое направление представлено, по заключению В. Эванс, прежде всего, в теориях когнитивной грамматики – Cognitive Grammar (Р. Лангакер), концептуально-структурирующей системы – Conceptual Structuring System (Л. Талми), конструктивистских грамматик – Construction Grammars (А. Голдберг, Ч. Филлмор, П. Кей) [Evans 2007: 17-18].

В Cognitive Grammar (Р. Лангакер) грамматика по природе своей символична. Символ понимается как парование, «спаривание» ('pairing')

семантической структуры (значение) и фонологической структуры (форма), которое обуславливает коммуникативную дискурсивную способность человека (способность одного человека вызывать к другому) [Langacker 2008: 5]. Грамматика определяет то, как элементы комбинируются для образования сложных выражений; лексикон и грамматика формируют градацию ассамблей символических структур [Langacker 2008: 5]. В дискурсивном процессе (не просто последовательность слов, выражений, предложений, но также серия представлений, ассоциируемых с этими формами) происходит специфическое человеческое развитие – конструируются прогрессивные интегрированные концептуальные структуры большей сложности [Langacker 2008: 486].

В теории Conceptual Structuring System (Л. Талми) утверждается, что грамматические элементы отвечают за структурирование и специфицируют сеть концептов [Talmy, 2000: 20]. Грамматически специфицированные понятия принимаются как концептуальные категории и именуется термином «схематические категории» ('schematic categories'). Будучи сгруппированы, схематические категории образуют обширную интегрированную структурируемую систему концептов; такие системы именуются термином «схематические системы» ('schematic systems') [Talmy 2000: 40]. Лексические элементы отвечают за содержание. В формальном плане к ним относятся корневые морфемы самостоятельных частей речи и словосочетания, именуемые термином «лексические комплексы» ('lexical complexes' [Talmy 2000: 22-23]). Вместе они обеспечивают когнитивную репрезентацию: ментально – некую идею, дискурсивно – предложение [Talmy 2000: 21].

В Construction Grammars (А. Голдберг, Ч. Филлмор, П. Кей), по результатам анализа работ В. Эванс [Evans 2007] и А.И. Голдберг [Goldberg, 2006] центральным теоретическим конструктом является конструкция – 'construction', состоящая из конвенциональной единицы, образующей пару формы и значения. Форма подразумевает определенную фонологическую линию звуковых сегментов, конвенциональных в конкретном языке.

Значение относится к ментальной репрезентации – или лексическому концепту, конвенционально ассоциируемому с формой. В качестве конструкций принимаются не только целые слова, но и морфемы – как единицы, конституирующие слово, а также синтаксические конструкции – как репрезентирующие грамматические схемы для «заполнения» контекстуально необходимыми словами. Синтаксические конструкции также представляют собой связанную пару формы и значения, они семантически – репрезентируют в неких формах абстрактную семантику конвенциональных схем. Например, дитранзитивные конструкции, включающие такие семантические роли глагола, как агенс, патиенс и бенефактив, своей формой выражают абстрактное значение совершения действия, структурированного по принципу «кто-то что-то кому-то». Таким образом, конструкция относится к «сложной символической ассамблее» («символическая ассамблея» – ‘symbolic assembly’, лингвистическая единица, состоящая из двух полюсов – значения и формы [Evans 2007: 208]; простая – ‘symplex symbolic assembly’, не содержит каких-либо других меньших символических единиц [Evans 2007: 197]; сложная – ‘complex symbolic assembly’, соответственно, содержит включенные в нее символические единицы различной сложности [Evans 2007: 28], например, морфемы, слова в идиоме, в предложении).

Теоретически, концепт можно изучать как нелингвистический, «чисто когнитивный» или перцептивно-когнитивно-аффективный феномен: человек и вне условий социальных интеракций, обуславливающих потребность символической коммуникации, способен более или менее организованно отражать результаты опыта жизнедеятельности (феномен Маугли). Но в практике, во взаимосвязанных аспектах онто- и социогенеза невозможно «препарировать» процесс когниции, отделив концепт от языка – как специфической когнитивной модели отражения опыта жизнедеятельности человека (как единицы социокультуры), воплощаемой в коммуникативных условиях дискурса и обусловленной ими. Концепт, будучи когнитивной (а,

точнее – перцептивно-когнитивно-аффективной) единицей и механизмом когниции, одновременно участвует в производстве языка и отражает результаты языковой деятельности, а устройство языка отражает когнитивную организацию сознания личности как индивидуального представителя определенной культуры. Потому концепт, очевидно, является лингвокогнитивным феноменом, принимая, что лингвистическая сторона необходимо предполагает и учет фактора культуры.

1.4 Понятие метафорической модели

Развитие теории концептуальной метафоры и осуществление описания метафорических моделей – одно из определенно перспективных направлений когнитивной лингвистики современности, которое получило огромную популярность после появления монографии Марка Джонсона и Джорджа Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем», которое стало «библией» когнитивного подхода к метафоре [Баранов 2004: 7]. Описывается процесс метафоризации как перенос из одной сферы – области-источника в другую – область-мишень, то есть имеет место происхождения совмещения мыслительной сферы, которая содержит хорошо знакомую информацию, с понятийной сферой, которую есть необходимость осмыслить [Лакофф Джонсон, 2004: 131].

В границах общего когнитивного подхода к изучению метафоры в настоящий момент времени формируются разные теории: дескрипторная теория метафоры (А.Н. Баранов), теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер), когнитивно-дискурсивная теория метафоры (А.П. Чудинов) и пр.

Теория концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера разработана на основе ментальных пространств Ж. Фоконье и концептуальной теории метафоры. Отличительно от теории М. Джонсона и Дж. Лакоффа в ней предложено рассматривать 4 ментальных пространства: 2

исходных, общее и смешанные пространства, либо бленд. Два исходных пространства соотносятся со сферой мишенью и сферой источником в теории концептуальной метафоры, и количество исходных пространств возможно и больше двух. Общее пространство обладает наиболее абстрактные составные (фреймы, роли и схемы), которые присущи двум исходным пространствам, то есть выступает основой метафоризации на самом абстрактном уровне. Смешиваются в бленде исходных пространств, в итоге образуется новая качественная концептуальная структура, не зависящая от исходных пространств и далее способна развиваться самостоятельно.

Дескрипторная теория, которая разработана А.Н. Барановым, предназначается «для формализованного описания большого корпуса использования метафор, то есть осуществления исследования метафорики дискурса в целом, а не осуществления анализа отдельно-изолированных примеров» [Баранов 2004: 5]. В этой теории процесс метафоризации анализируется как отображение элементов сферы источника в элементы сферы цели. Сфера источника и сфера цели понимаются как структурированные сферы знаний, которые описаны «специальным метаязыком семантических дескрипторов – денотативных для сферы цели и сигнификативных для сферы знаний человека, составляют метафорическую модель (М-модель). Совокупность М-моделей, которые профилируют в текстах определенной проблемной области, близкие либо общие смыслы автор называет констелляциями. «Использование метаязыка денотативных и сигнификативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их при помощи компьютерных программ – базы данных [Баранов 2004: 7]. Денотативные и сигнификативные дескрипторы представлены в виде семантических деревьев, которые позволяют представлять иерархические отношения между дескрипторами. М-модель ВОЙНЫ составляют сигнификативные дескрипторы, которые имеют семантику военных действий, армии; М-модель

РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ формируют дескрипторы, которые связаны тематически родственными отношениями. «Метафорической моделью в данном случае оказываются однородные сферы источника – однородные, с позиции опыта человека, и частично семантики. В данном случае М-модель в дескрипторной теории метафоры – языковая метафорическая модель» [Баранов 2004: 12]. Язык дескрипторов и деревьев дескрипторов метафорических моделей в этой теории метафоры предоставляет возможность осуществлять количественную оценку М-модели с позиции функционирования в дискурсе.

В когнитивно-дискурсивной теории, которая получила название теории метафорического моделирования, метафора является основной когнитивной операцией, важнейшим способом познания и концептуализации мира согласно классической концептуальной теории М. Джонсона и Дж. Лакоффа. Эта теория метафоры, которая разработана А.П. Чудиновым исходя из материалов дискурса конца XX в., основана на семантической теории многозначности и когнитивной теории метафоры. Использовано «все лучшее, что создано представителями каждого из названных лингвистических направлений – определенно разным по теоретическим исходным предпосылкам, однако близких по методике и определенным результатам исследований речевой деятельности» [Чудинов 2001: 6].

Исходя из этой теории, метафорическая модель формируется на существующем в сознании носителей языка «типовом соотношении семантики, которые находятся в отношениях непосредственной мотивации вторичных и первичных значений», понятия в ней присутствуют в сложном отношении противоречия, с одной из сторон, и при этом возможно могут отождествляться согласно семантических законов, «метафорические модели являются определенными концептуальными матрицами, так сказать таксонами разных систем мировидения, составными различных моделей мира» [Чудинов 2001: 70].

Изображаются метафорические модели как в своем роде типовые схемы. Которые отражают специфику национальной ментальности на определенном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии [Чудинов 2003: 55].

Осуществление анализа семантической структуры метафорической модели определенно предполагает описание области-источника и области-цели метафорического переноса, осуществление построения фреймовой структуры этой метафорической модели, в том числе осуществление исследования функциональных свойств метафорической модели: продуктивности, частотности, доминантности. При рассмотрении структуры метафорической модели, требуется рассмотреть следующие ее признаки:

- исходная понятийная область (ментальная сфера-донор, сфера-источник, источник метафорической экспансии, источниковая сфера), то есть в терминологии теории регулярной многозначности семантическая сфера, к которой отнесены охватываемые моделью слова в изначальном значении;

- новая понятийная область (ментальная сфера-мишень, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии), то есть в терминах теории регулярной многозначности семантическая область, относят охватываемые моделью слова во вторичном значении;

- типовые сценарии для этой модели, отражающие более характерные для исходной понятийной области последовательности ситуации: к примеру, сценарий «войны» требует осуществление ее подготовки, объявления, ведения боевых действий при использовании различного оружия, возможности ранения (последующим лечением) и смерти, поражение либо победу и т.д.;

- фреймы, которые относятся к этой модели, которые понимаются как фрагменты наивной языковой картины мира, структурирующие

соответствующую понятийную сферу; данными фреймами являются элементы сценария «войны». Названные выше. С позиции В.З. Демьянкова, фрейм – «единица знаний, которая организована вокруг некоторого понятия, однако, отличительно ассоциаций содержит данные о существенном, возможном и типичном для этого понятия.. Организует фрейм наше понимание мира в общем.. Фрейм – это структура информации для представления стереотипных ситуаций» [Демьянков];

– составляющие каждый фрейм типовые слоты – это элементы ситуации, включающие определенную часть фрейма, определенный вопрос его концентрации. К примеру, фрейм «Вооружение» включает слоты «боевая техника», «холодное и огнестрельное оружие», «беприпасы» и т.д. Характеризуя составляющие слота А.П. Чудинов использует термин «концепт» как отражение представлений «о тех смыслах, которыми оперируют люди в процессе мышления и которые отражают содержание знания и опыта, содержание итогов всей деятельности человека и процесса познания мира в виде квантов знания» [Кубрякова 2003: 90]. Концепт отличительно лексической единицы (слова) – единица сознания, ментального лексикона. Совокупности всех имеющихся в национальном сознании концептов образуют концептуальную систему, то есть концептосферу. С целью обозначения элементов слота используют различную терминологию: номинация, концепт, лексическое значение, слово;

– компонент, связывающий вторичные и первичные значения единиц, охватываемых этой моделью – это то, что предполагает основания для метаморфического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура области источника оказывается подходящей с целью обозначения элементов совсем иной области.

Концептуальная метафора исполняет важные функции:

– номинативную (способствует фиксации знаний, созданию наименований реалий и осознавать ее существенных свойств);

- когнитивную (является орудием познания мира, она способствует вычленим ментальные пространства и работать с ними);
- коммуникативную (представляет новую информацию в доступной и краткой для человека форме);
- изобразительную (помогает сообщение сделать наиболее ярким, образным, наглядным и эстетически значимым);
- прагматическую (функция метафоры как орудия, которое формирует необходимое говорящему эмоциональное мировосприятие и состояние);
- гипотетическую (способствует представлению чего-то еще не до конца осознанного, созданию некоторого предположения о сущности объекта метафорически характеризуемого);
- инструментальную (помогает человеку мыслить, формировать представленность о мире);
- моделирующую (способствует созданию некой модели мира, уяснению взаимосвязи его взаимосвязи между его составными);
- популяризаторскую (способствует доступно для подготовленного слабо человека передать сложную идею);
- эвфемистическую (способствует передавать информацию, которую автор по каким-либо причинам не считает подчеркивать с помощью непосредственных номинаций).

Следовательно, в основе метафор как способа мышления, категоризации и концептуализации знаний о действительности лежат существующие не объективно категории, а которые сформированы в сознании индивида концепты. Индивид как центр мироздания осуществляет оценку и соизмерение реалий окружающей действительности согласно своим чувственным, эмоциональным и трудовым либо практическим опытом, социальным окружением, знаниями.

Выводы по главе 1.

Метафора считается важным средством языкового выражения, обладающая эмоциональной окрашенностью.

Выявляется двойственность метафоры, представляющей образным отображением действительности и когнитивной структуры человека.

Представленный обзор научных концепций относительно концептуальной метафоры позволяет констатировать значительный вклад вышеназванных ученых в становление и развитие когнитивной теории метафоры, в основе которой лежит положение о ее ментальном характере и познавательном потенциале.

Когнитивная лингвистика – это ментальный процесс, происходящий при восприятии и осмыслении действительности сознанием. В основе когнитивной лингвистики лежит большое количество постулатов и принципов. Все они отражают процессы категоризации и концептуализации результатов когнитивной деятельности человеческого сознания.

Сущность концепта заключается в том, что он одновременно участвует в производстве языка и отражает когнитивную организацию сознания личности как индивидуального представителя определённой культуры.

Метод метафорического моделирования способствует демонстрации схематической связи компонентов разных концептосфер на основании закономерностей функционирования метафорических моделей.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Национально-культурные и психологические характеристики концептуальной метафоры экономического дискурса

Экономика в жизни социума является важным аспектом. Зачастую в повседневной жизни, говоря об экономике, люди используют различные экономические термины, такие как, *кризис, кредитное плечо, рычаг* и другие.

Метафора, как концептуальный аспект есть средство познания реальной действительности. Медиа - тексты являются целостной системой, в которой выделяются три основных параметра:

- информативность;
- оценочность;
- экономность средств выражения.

Метафора в экономическом дискурсе помогает осознать самую сущность, мгновенно схватить и проникнуть в глубину содержания статьи или дискурса. «Удачно подобранная метафора «экономична», поскольку сберегает время и слова, необходимые для пространных объяснений» [Воякина Е.Ю. 2009г., с.35-39].

Концептуальная или когнитивная метафора играет значительную роль в экономическом тексте, так как рассматривает метафорический механизм реалий экономической жизни. Её много в экономических текстах и дискурсах, в которых она является инструментом познания.

В настоящем популярном экономическом дискурсе сформировался особый тип речи на экономические темы в международных экономических средствах массовых коммуникаций. Он представляет собой процесс создания текстов в совокупности с прагматическими, национально-культурными и психологическими характеристиками, которые включают взаимодействие людей и механизмов в сознании, т.е. когнитивный процесс.

Сеть концептуальных экономических метафор делят на несколько типов: стёртая (dead), метафора-клише (cliche), общая (stock), адаптированная (adapted), «недавняя» (recent) и оригинальная (original).

Концептуальная экономическая метафора представляет собой процесс соединения творческих информативных элементов в системе ментальных пространств. Любое образное выражение, будь то слово, использованное в переносном значении, или оно персонифицировано, подразумевает собой любое образное выражение.

Так, например, в английском языке к метафорам стёртого типа относятся слова “field”, “top”, “foot”, “mouth”, “arm”, “fall”, “rise” и др. Проблема в том, что не всегда такие метафоры можно перевести дословно. Например, английское выражение «flat free» соответствует русская метафора «фиксированная плата», а не плоская, как переводится дословно.

В экономических англо-язычных текстах часто встречаются метафоры, имеющие узкоспециальное значение. Например, «leverage» - «рычаг». Данное выражение используется в экономических текстах, как «кредитное плечо» и имеет значение использования заёмных средств для реализации бизнес-проектов.

Западно-европейский экономический дискурс насыщен также такими метафорическими неологизмами, как: «start up» - недавно основанный бизнес. Для более полного значения применяется транслатор – «стартап».

Данный тип метафор имеет ту особенность, что в значении их полностью стёрта «образность», а передаётся только семантическое значение.

Метафоры-клише в экономических англо-саксонских текстах чаще используют лишь свою коннотативную функцию, чтобы яснее выразить мысль. Например, Concerns about its positioning, and envious gazes across the Rhine, have been spurred by a strong revival in Germany's economy – Переживания Франции по поводу её положения и её ревнивые взгляды,

направленные на другой берег Рейна, вызваны тем, что Германия быстро выходит из экономического кризиса.[The Economist 2009]

В популярных международных экономических текстах взаимодействуют три лексические подсистемы. Это – общеупотребительная лексика, общенаучная и специальная терминологическая. Последняя отличается специфическими характеристиками и представляет собой группу слов экономического характера.

Так, к примеру, в англоязычном бизнес-дискурсе метафора рассматривается с точки зрения средства концептуализации представлений об экономических реалиях. Тексты британских еженедельников «The Economist», сайты BBC News и CNNMoney.com для передачи специализированной информации используют такие базовые модели, как: «Economy is a Human body (its health and illness)» - Экономика это человеческий организм (здоровый и больной), «Economy is War/Sports» - Экономика это война или спорт, «Economy is Nature & natural forces» - Экономика представляет собой настоящую силу, “Living beings – economic concepts” - Живые существа – экономические понятия, «Economy is a Machine» - Экономика это машина.

Другими словами экономические концепты в британских СМИ раскрываются с помощью обращения к понятийной сфере «Человек». Экономика предстаёт в виде живого существа, подверженного болезням, но его можно восстановить, сделать живым и деятельным.

1. Рассмотрим модель **«Economy is a Human body (its health and illness)»** - экономика это человеческий организм (здоровый или больной).

Фрейм «Болезнь и её симптоматика» включает в себя следующие слоты: “A healthy body or a healthy economy” - Здоровый организм или здоровая экономика, “Symptoms of the disease – problems of the economy” - Симптомы заболевания – проблемы в экономике, “Medical treatments – economic measures” - Медицинское лечение – экономические меры. Рассмотрим каждый фрейм в отдельности:

1. “A healthy body or a healthy economy” - Здоровый организм или здоровая экономика:

“America is doing well, with relatively healthy growth in jobs” – В Америке положительной тенденцией является относительно здоровый рост рабочих мест. [The Economist 2013]

“The overall economy still seems healthier than it has for a long time”- Общая экономика по-прежнему кажется более здоровой, чем это было в течение длительного времени. [The Economist 2013]

“In general, Japanese companies are looking healthy” – В целом Японские компании выглядят здоровыми. [The Economist 2013]

2. “Symptoms of the disease – problems of the economy” -Симптомы заболевания – проблемы в экономике:

“He vowed to do all the right things: revive a sick economy, reduce corruption” – Он поклялся делать всё правильно: оживить больную экономику, уменьшить коррупцию. [The Economist 2014]

“Without easy credit, dear oil will cause more pain” – Без лёгкого кредита дорогая нефть вызовет боль. [The Economist 2013]

“Any hint of a surge will be likely to send market into spasms” – Любой намёк на всплеск вызовет в рынке спазмы. [The Economist 2013]

3. “Medical treatments – economic measures” - Медицинское лечение – экономические меры:

“The IMF view is that prevention is better than cure” – Тактика МВФ заключается в том, что профилактика лучше лечения. [The Economist 2017]

“They are not ready to swallow the nasty medicine of change” – Они не готовы проглотить неприятное лекарство перемен. [The Economist 2017]

“Countries, including Austria, Britain, France and Germany were now trying their own ways to stem the bleeding” – Страны, включая Австрию, Великобританию, Францию и Германию, сейчас пытаются собственными силами остановить кровотечение. [The Economist, 2017]

Стандартной частью лечения является введение лекарства посредством инъекции - injection («укола»). Поэтому традиционными стали метафоры “financial injection” - «Финансовая инъекция» и «Финансовое вливание», то есть предоставление кредитов, привлечение в сектора экономики дополнительных финансовых средств.

“Here are the classic instruments, consumption and investment in the form of subsidies and stimulate monetary injections, no more available” – Вот классические инструменты, потребителей и инвестиций в виде субсидий, стимулирующие денежные вливания, больше не доступны. [The Economist, 2017]

Похожий смысл передаётся устойчивым выражением “lie under a dropper” - «Лежать под капельницей», имеющей в экономическом дискурсе значение «Получать дотации», «Подпитываться чем-либо».

“Only such a large third-world country like India can afford to keep a finger on these wretches. Most other third world counties are too dependent on international aid drops” – Только такая большая страна третьего мира, как Индия может позволить себе держать палец на этих болячках. Большинство других стран третьего мира слишком зависят от капель международной помощи.[The Economist, 2017]

Понятия “healthy” - «здоровый» и “recovery” - «выздоровление» в экономическом дискурсе в переносном смысле относятся к нормально функционирующей экономической системе.

“Death” - «Летальный исход» (смерть, болезнь) представляет собой самое негативное последствие болезни, означающее полное прекращение жизнедеятельности организма, что в экономике создаёт отрицательный образ какого-либо проигранного дела, негативных результатов работы.

Медицинские метафоры активно используются при описании негативных и кризисных явлений в финансовой сфере, в области экономики.

При этом подвергаются переосмыслению целые развёрнутые ситуации и фрагменты сферы медицины, которые попадают в благоприятную почву

понятийной экономической области, развивая в дальнейшем, целую метафорическую систему.

Особенно медицинские метафоры широко применяются в немецком экономическом дискурсе. Так, в экономической немецкой речи лексема «blind» указывает на конкретную область, в которой чего-то «не видит». Рынок, например, не учитывает нравственной и социальной сторон жизни общества, а потому является «blind» - «слепым».

2. Другой метафорический кластер, используемый Британскими СМИ – это **«Бизнес как война, спорт»**. Он базируется на образе борьбы и военных действий, а экономика представляется полем сражения. В когнитивном аспекте данные образы служат как исходный домен представляющий – деловые переговоры, бизнес-партнёров, стратегии, используемые в бизнесе и результаты.

В данном случае используются такие фреймы, как: “Battlefield – business negotiations” - Поле сражения – деловые переговоры, “Soldiers – representatives of business” - Солдаты – представители бизнеса, “Military strategy-business strategy” - Военные стратегии – бизнес-стратегии, “The outcome of the war is the result in business” - Итог войны – итог в бизнесе, “Sport – the state of the economy, banks” - Спорт – состояние экономики, банков.

Деловые переговоры представляются в виде битвы, цель которых – достичь выгодное соглашение и заключить сделку. Бизнес и его представители, банкиры, маркетологи, менеджеры предстают в образах сражающихся солдат. А бизнес - стратегии отображаются в виде военных стратегий. Чтобы заключить выгодную сделку им необходимо сражаться, отстаивая свои позиции и интересы. Деловые переговоры, также как и сражение, могут привести или к успеху, или к поражению. Например:

1. “Battlefield – business negotiations” - Поле сражения – деловые переговоры:

“Whatever happens in the battle over this particular deal, consolidation seems impossible” – Чтобы ни случилось в битве за эту сделку, примерение похоже невозможно. [The Economist 2018]

“The main battlefield at present is retail trade” – В настоящее время основным полем битвы является розничная торговля. [The Economist 2018]

“Stock exchanges: A war on two fronts” – Фондовые биржи: война на два фронта. [The Economist 2018]

2. “Soldiers – representatives of business” - Солдаты – представители бизнеса:

“Cninas army of small” – Китайская армия мелких вкладчиков [The Economist 2017].

“Googls, having made many enemies, must now fight many battles” – Гугл, создав много врагов, должен теперь сражаться по многим фронтам [The Economist 2017].

3. “Military strategy-business strategy” - Военные стратегии – бизнес-стратегии:

“It is true that the foundation on the strategy is not to monopolise the field. But that tactic no longer works. The danger is that by attacking on all fronts...” – Это правда, что стратегия фонда не монополизировать поле. Но эта тактика больше не работает. Опасность заключается в том, что атакуя на всех фронтах... [The Economist 2013].

4. “The outcome of the war is the result in business” - Итог войны – итог в бизнесе:

“An economic Pearl Harbor; even so the ceasefire may not last” – Экономический Перл-Харбор; даже поэтому прекращение огня может длиться недолго [The Economist 2017].

5. “Win the economic marathon; trusty canoe to navigate the most rapid and treacherous waters” – Выиграть экономический марафон; надёжное каноэ для навигации по самым быстрым и коварным водам [The Economist 2017].
Подразумевается переход к установлению процентных ставок.

3. И ещё один кластер концептуальных метафор в Британских СМИ – **«Экономика и природа, силы природы».**

Огромное количество апокалиптических метафор ввёл в оборот финансовый кризис, начала 2008 года, который представляется в виде природных катаклизмов. А также встречаются метафоры, где природный вектор представляется как, “calm”- «штиль», “climate”- «климат», “heat” - «жара», “storm” - бурея и т.д. Он служит источником концептуализации представлений об отсутствии экономического роста, об изменении экономических условий, о бурном развитии событий и т.д.

Например, фрейм “Natural disasters – problems in the economy” - «Стихийные бедствия – проблемы в экономике».

“The bitokoinov storm is coming” – Грядёт биткойновая буря [The Economist 2018].

Достаточно часто экономический кризис сравнивают со штормом или с бурей. Подобные метафоры часто встречаются во многих статьях из тематической области «Бизнес, финансы и экономика». Типичный пример подобной метафоры: Or was it a perfect storm in which policy failures played just as big a role? – Или именно в этом страшном шторме провальное политические решения сыграли важную роль?[CNN Money.com 2017].

Метафора – “perfect storm” – придаёт предложению особую эмоциональную экспрессию, передавая значение страшного шторма, девятого вала.

Слово – “storm” (шторм) часто встречается не только в медиа-текстах, но даже в названиях целых выпусков журнала «The Economist». Чаще всего данная метафорическая единица используется в заголовках статей, чтобы придать экспрессии и привлечь внимание читателей.

Кризис отождествляется с бурей (штормом) и несёт в себе скрытые смыслы, которые возникают в структуре метафорических фраз и передают

только одно значение: кризис, словно буря, внезапно обрушился на мировой рынок и подобно буре имеет разрушительный характер.

Например, “Excessively low interest rates, poor supervision and, in America, government meddling in mortgage markets” – Чрезмерно низкие ставки кредитования, недостаток контроля, а в Америке ещё и вмешательство правительства в вопросы ипотечных кредитов [The Economist 2008].

Кризис отождествляется здесь с бурей, которую спровоцировали неверные решения политики.

Наиболее частыми метафорами, представляющими кризисные явления экономики на Кипре, содержат компоненты значения “displacement/location in space” - перемещения/нахождения в пространстве.

“The insolvency of Cyprus is like a terrible storm, directly affecting the economy of the euro area” – Неплатежеспособность Кипра подобно страшной бури, прямо воздействуя на экономику еврозоны [The Economist 2013].

Кипр выставляется как сфера мишени, нежелательный участник какого-то действия, из которого его пытаются вывести насильно. Или объект, пересёкший запретную черту, за которой пути назад у него уже нет.

Такое рассмотрение, как сферы мишени метафорической экспансии даёт возможность более подробно рассмотреть её составляющие, по отношению к которой применяется ориентационная метафора в экономических текстах. Сам Кипр персонифицируется подобно другим странам Евросоюза и Еврозоны в целом. А с другой стороны кризис представляется как вертикальное перемещение и имеет типовое представление о стране, её валового внутреннего продукта или движения капитала.

Из представленных примеров становится видно, что центральное место занимает вертикальное перемещение, представляющее кризис как упадок, падение, движение экономики и активов вниз. А с другой стороны, выделяется положительно нагруженная метафора, означающая – рост,

подъём. Она представляется как процесс, который необходимо сделать для спасения страны и Европы.

Понятие “crisis” - «кризис», которое имеет значение обострения заболевания, нашло яркое метафорическое проявление в сфере экономики производства и сфере банковской деятельности. Так, в толковых словарях зафиксированы следующие выражения, описывающие состояние и действие “crisis” - «кризиса» в экономике – “survive the economic crisis” - «переживать экономический кризис», “crawl into a crisis” - «вползть в кризис», “be in crisis” - «вызывать кризис», «находиться в кризисе», “get out of the crisis” - «выходить из кризиса».

Так, например, “Since 2007, the US economy and the world's leading countries are experiencing the so-called “global financial crisis”” - «С 2007 года экономика США и ведущих стран мира переживает так называемый «мировой финансовый кризис»» [BBC News 2017].

Легко себе представить, что обычная метафора соотносится с простым значением и на основании простой формы можно построить достаточно сложное комплексное значение предложения. Например, в одном из медиатекстов ноября 2008 года используется глагол “flood”- «наводнение».

“Governments across the rich world flooded with liquidity” – Правительство богатых стран мира заполнили банки ликвидностью [BBC News 2008].

Слово “liquidity” здесь имеет несколько значений, в одном значении ликвидности (наличные), а в другом – жидкость. Так, в одном предложении применяется игра слов, которой способствует многозначность данного слова и использование глагола “flood”, имеющего значение – переполнить водой, наводнить, затопить.

В результате актуализации концептуальной метафоры формируется структура, в которой банки сопоставляются с сосудами (banks are vessels), а наличные деньги с жидкостью (liquidity is liquid). В результате дополняются фоновые знания – банки – это сосуды, которые можно заполнить каким-либо

веществом (в данном случае жидкостью), а сами денежные средства – это жидкость, льющаяся в сосуд.

4. Следующая группа метафор – зооморфизмы. Метафоры этой группы отражают национально-культурные традиции данных стран. Основной фрейм данной группы – **“Living beings – economic concepts” - «Живые существа – экономические понятия»**. Например:

“When dragons dance with bears” – Когда драконы танцуют с медведями. Речь идёт о взаимоотношениях Китайской и Российской экономик.

“GDP grows in India and China: catching the dragon” – Рост ВВП в Индии и Китае: ловить дракона.

“Daily chart: Racing the elephant against the dragons – Ежедневный график: гоночный слон против дракона.

“The dragons new teeth” – Новые зубы дракона.

“Tiger, tiger, burning bright” – Тигр, тигр, горящий ярким.

“Tiger finance” – Финансирование тигра.

“An elephant, not a tiger” – Слон, а не тигр [The Economist 2016-2017].

По словам немецкого исследователя S.C.Hsieh, который изучал зооморфные метафоры в китайском языке, зооморфизмы с отрицательным значением составляют 66%, а в немецком – 64% [Будаев Э.В., Тихонов А.Н. 2016 г., с.43].

Зооморфизмы в английском языке представляются в основном такими метафорами, как «bulls and bears» (бык и медведь). Обе метафоры относятся к «биржевому сленгу». Этот термин отражает образ медведя, который своей мощной лапой опускает рыночные котировки. А также быка, который рогами поднимает котировки рынка. Бык подразумевается покупатель финансового инструмента, товара, который надеется продать его по более высокой цене через какое-то время.

Китайский экономический дискурс окрашен преимущественно драконами, а индийский – слонами. Драконы используются для описания китайской экономики.

В Южной Кореи, Сингапуре, Гонконге и Тайване для описания экономики прибегают к метафоричному образу тигра.

Для более эффективного способа описания конкретного или абстрактного описания понятия, применяется обычная метафора, которая оказывает более эмоциональное воздействие на читателя, а также обладает более активной эстетической функцией.

Например, “The economic territory of India is inhabited mainly by elephants, and Chinas dragons” - Экономическая территория Индии «населена» преимущественно слонами, а Китая – драконами [CNN Money.com 2017].

В данном случае описывается механизм поглощения западных компаний китайскими.

5. Представление экономики как машины обеспечивается таким фреймом, как: **“Economy is a mashine” - «Работа машины – функционирование экономики»**. Например,

“The American economy is operating well above sarapacity” – Американская экономика работает выше мощности.

“Fluel the Russian economy” – Топливо Российской экономики.

“Money supply is not adequate to grease the wheels of economic growth” – Денежной массы не хватает для смазки колёс экономического роста. [The Economist 2016-2017].

В данном случае использование образа машины и механизмов предполагает тот смысл, что в экономике подобно машине всё поддаётся анализу, прогнозу и контролю. Одним словом, что всё в экономике под контролем и предсказуемо.

2.2 Дискурсивные характеристики концептуальной метафоры экономического дискурса

Концептуальные метафоры в популярных экономических дискурсах масс-медиа представляют собой совокупность прагматических,

социокультурных, психологических и других факторов когнитивных процессов речепроизводства. Тексты создаются по принципу «популярного» дискурса для того, чтобы быть понятными, интересными, нужными и увлекательными для каждого читателя данного вида СМИ.

Статьи популярного экономического дискурса выполняют все основные функции, свойственные СМИ: информативную, развлекательную, образовательную, рекламную и идеологическую.

В качестве информативных статьи информируют читателей о событиях в мире экономики, состоянии экономики в отдельных странах, финансовых операциях на биржах, об изменениях курса валют, надёжности тех или иных инвестиций и др.

Одновременно тексты выполняют и развлекательную функцию, так как публикуют интересные факты, необычные данные, курьёзные явления и др.

Образовательная функция состоит в том, что экономические тексты распространяют экономические знания, разъяснения сложных экономических понятий и терминов.

В качестве рекламной функции реализуются скрытые рекомендации по использованию некоторых услуг, предпринять некоторые действия, обратить внимание на определённые компании и экономические процессы.

В одно и то же время статьи масс-медиа представляют читательской аудитории явления экономической жизни с точки зрения определённой системы культурных ценностей и политических ориентиров. В данном случае реализуется функция идеологическая.

Обращает на себя внимание появление принципиально новых в русском медийном экономическом дискурсе метафорических слогонов и единичных фраз. Таких как: «robot assistant», «rap battles», «rapper», «burger», «barber », «hyip», « mining» и др.

Во всех данных слоганах ощущается смена парадигмы экономического мышления, смена концептов. Широко заимствованные, они появились в нашей стране вместе с переходом к свободному рынку.

Новизна концептуального аппарата появляется также в многочисленных трансляторах. Таких, как: «case study», «transaction», «supervising», «brand», «marketing-management», «dealers», «distributors», «holding», «логистика», «trade-marketing actions», «promotions», «merchandising» и др.

Показательна неясность данных понятий, содержащих экзотизмы, непрозрачность для восприятия. Она усиливается эпонимами в латинской графике.

Приведём примеры заимствованных концептов, взятых из журнала «Деловой журнал РБК».

Метафора – crossed in one service two «hot» trends - «скрестив в одном сервисе два «горячих» тренда» [Деловой мир РБК, выпуск №6. Июнь 2018 года].

«Hot trend» подразумевает сложившийся альянс востребованных мобильных сервисов с аудиторией в несколько миллионов. Метафора придаёт экспрессию тексту, заставляя обратить внимание читателей.

Метафора – «haute couture» - бизнес-кутюр. В статье говорится о торговле именем корпорации «Юдашкин». О том, что бизнес-кутюрье базируется не столько на продажах одежды, сколько на торговле его имени. Метафорический слоган в латинской графике скорее специфичен и оригинален, может быть использован только для понятия единичного текста [Деловой мир РБК, выпуск №5. Май 2018 года].

И ещё один пример, ср. «Самый яркий пример хайпа, который поймали основатели лейбла Black Star Тимати», - «at the reception two stacks of papers» [Деловой мир РБК, №7-8, июль-август 2017 года].

Статья о том, как зарабатывают сотни миллионов рублей на музыке, рекламе, одежде, бургерах и других продуктах и сервисах.

Понятие УТП – уникальное товарное предложение, произошло от английского слова selling point (USP) – появилось впервые в работах

известного американского рекламиста Р.Ривса в его книге «Реальность в рекламе».

Другой пример концепт «corporate governance» - корпоративное управление - также является новым, но уже хорошо понятным отечественному читателю. Данный концепт породил целую группу категорий, таких как: «creditors», «staff», «partners», «mass communities», «authorities» и др. Вся группа данной категории обеспечивает деятельность компании в интересах корпорации.

Характерны также использование большого количества концептов, воспринимающихся в качестве надуманной аббревиатурности.

Например, ср. «Нелегальный дым» или как устроен рынок контрабандных сигарет», «лаборатория для гения». Статья рассказывает о борьбе с табаком контрабандных сигарет.

Статьи с заголовками - «Starfall on request», «Taming a Unicorn». Статьи о том, как Сервис аренды жилья американской компании «Airbnb» за 10 лет вырос в гиганта с оценкой в 31 млрд. долларов США [Деловой мир РБК, выпуск №6, июнь 2018 года].

Статья относится к категории рекламного текста и повествует о том, как американские компании преодолевают трудности и проблемы на рынке жилья.

И ещё один пример, ср. «Smart camera» от Московского стартапа учит трюкам сноубордистов из США». Статья о том, как предприниматели из Москвы придумали устройство «Leap», чтобы помочь сноубордистам-любителям осваивать прыжки и «jibbing» [Деловой мир РБК, выпуск №4, апрель 2018 года].

Статья данной же тематики – ср. «As the French start-ups began to sell "smart" panties for "radio-fobs» - «Как французские стартаперы стали продавать «умные» трусы для «радио-фобов»». Статья о том, как трусы Startap защищают от радиоволн, возникающих при использовании смартфонов и ноутбуков, Wi-Fi и Bluetooth, Спутниковой и радиосвязи.

В данном случае два концептуальных образа – «smart camera» и «smart pants» усиливают понимание об объекте.

Прецедентные имена и тексты воспринимаются читателем данного медийного дискурса в качестве коллективного знания адресатов и адресантов.

Особенностью данного дискурса является новизна, большое количество заимствованных слоганов, заимствованных терминов, транслитерации, неясность семантики. Со всей уверенностью можно сказать о сложности, непонятности таких текстов в СМИ. Слова «jibbing», «радио-фоб» требуют дополнительного разъяснения.

Оценим потенциал метафоризации заимствованных терминов, нуждающихся в расширительном толковании реалии на русском языке при вхождении в концептуальную систему языка.

Словосочетания: «Flower bond» - цветочная облигация, означает казначейскую облигацию, принимаемую налоговыми властями в уплату налогов на наследство по номинальной стоимости.

«Daisy chain» - «гирлянда» - означает фиктивную торговлю ценными бумагами.

«Chinese wall» - Китайская стена – означает разграничение функций отдельных брокеров компаний, занятых инвестиционной деятельностью и куплей-продажей ценных бумаг.

«Fill-or-kill order» - приказ брокеру купить или продать финансовый инструмент, который должен быть немедленно исполнен или аннулирован.

«Bulldog securities» - ценные бумаги, «бульдог», выпущенный на лондонском рынке нерезидентами.

«Linkage» - линкидж – означает покупку/продажу контрактов на одной бирже с последующей покупкой/продажей на другой.

«Даун-тик» - сделка с ценными бумагами ниже цены предыдущей сделки.

«Sweetener» - «подсластитель» - означает повышение привлекательности ценной бумаги.

«Ошейник» - означает фиксированный максимум и минимум процентной ставки в облигационном займе.

Все данные типичные метафоры многих медийных дискурсов означают варваризмы, эвфемизмы, которые способствуют изменению смысла, замены привычных русскому языку и русскому сознанию понятий. Данные метафоры также являются сложными для понимания обычного читателя. Так работают и перифразы, нелепые штампы, неологизмы, слова на случай с различной коннотацией.

Например, ср. «Anastasia Sartan has built in Russia retailer clothes Trends Brands with a turnover of 20 million US dollars» - «Анастасия Сартан построила в России ретейлор одежды Trends Brands с оборотом в 20 млн.долларов США»[Деловой журнал РБК, выпуск №4, апрель 2018 года].

Ср. «Burn metal like a desktop 3D printer» - «Жги металлом, как настольный 3Д – принтер». Данный слоган в предложении говорит о том, как 3-Д принтер Desktop Metal готовит новую технологическую революцию. Категория скрытого рекламного текста [Деловой журнал РБК, выпуск №4, апрель 2018 года].

На это же работают перифразы – «oligarch», «restructuring», «redistribution of property».

Огромное количество подобных языковых метафор заполняют экономический дискурс. В них явственно видятся персуазивные, оценочные, экспрессивные и образные информации. К примеру, термины типа: «hot money» - горячие деньги, «to mop up» - ликвидировать убыточное предприятие, «naked option» - голый аукцион – или необеспеченный благоприятным движением цен.

Слова метафоры очень умело актуализируют новые смыслы. Такова их функция в экономическом дискурсе сегодня.

В повседневной современной жизни россиян характерно широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, экономических новоязов.

Широко распространены классические экономические метафоры – «invisible hand», «night watchman», «psychology of a laser fire».

Существуют и мировоззренческие метафоры – «free market», «open market», «open society».

В утверждении «переходное общество», «санкции» - кроется признание ситуации, которая носит временный характер.

Анализ банальных метафор экономического Форума 2018 года показал наличие общественно-политического дискурса об экономических проблемах последних лет. Например, «естественный уровень инфляции», «неизбежный, желательный оптимальный прирост», «социально ориентированная рыночная экономика». Это достаточно нейтральные термины современного политического дискурса на экономические проблемы. В них ощущается затёртость смысла и способствует неясной семантики.

В современной ситуации глобального экономического кризиса создаются стереотипы в экономических дискурсах: «revise tariffs», «acceleration», «deflation», «inflation», «a no-deficit budget», «stagnation», «capitalization of banks». Данные слова и фразы становятся сигналами опасных действий, которые грозят благополучию масс.

Например:

«рецессия, постепенный рост цен и зарплаты» - означает инфляцию, затишье на рынке;

«отсутствие сделок, бюджет увеличивается» - означает опасный посыл;

«люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства» - означает нуждающихся.

Подобными примерами эвфемизмами изобилует экономический дискурс. Данные концепты являются социально-экономическими и занимают центральное место в изучаемых экономических статьях.

Выводы по главе 2.

На основе анализа, представленного в медиа - текстах и на Интернет-ресурсах статей из тематической области «Бизнес, финансы и экономика» подтверждено теоретическое утверждение когнитивной лингвистике о том, что метафоры являются инструментом концептуализации экономического пространства и пронизывают наше мышление различными языковыми трансформациями.

Как видно, из приведённых выше примеров, деловые издания насыщены метафорами. Они истолковывают, а мы воспринимаем абстрактные экономические понятия через конкретные образы.

При этом имеются национально-культурные и психологические характеристики концептуальной метафоры экономического дискурса. Каждый регион имеет свои понятийно окрашенные формы, вторые смыслы экономических понятий. Свой эмоционально-психологический окрас.

В статьях приводятся ряд базовых концептов – война, болезнь, живой организм, машина, зооморфизмы. Это пять моделей концептов, которые эксплуатируются в языке бизнеса, финансов и экономике, а также служат вектором ассоциирования.

Исследования медиа-текстов и Интернет-ресурсов в популярном экономическом дискурсе показало, что концептуальные заимствования, транслитерация и актуализация являются характерными чертами дискурса, воздействующего на категорию профессионального мышления.

Популярные экономические статьи выполняют все основные функции, присущие СМИ: информативную, образовательную, развлекательную, рекламную и идеологическую.

Популярные экономические концепты насыщены выразительными метафорами, которые строятся на повседневной жизни человека и несут общеупотребительный, общенаучный и специальный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей выпускной квалификационной работы было выполнено исследование на тему «Особенности концептуальных метафор в популярном экономическом дискурсе».

Представленный в выпускной квалификационной работе теоретический материал позволил осуществить анализ теоретических основ изучения концептуальной метафоры.

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций.

В когнитивистике существует общий подход к исследованию метафоры, но при более пристальном изучении выделяют несколько направлений в интерпретации данного лингвистического явления. Среди них пять направлений:

- теория концептуальной метафоры (conceptual metaphor theory);
- дескрипторная теория метафоры (descriptive theory of metaphor);
- теория метафорического моделирования (metaphorical modeling theory);
- теория концептуальной интеграции (theory of conceptual integration);
- теория первичных метафор (theory of primary metaphors).

Метафорическая модель формируется на существующем в сознании носителей языка «типовом соотношении семантики и непосредственной мотивации», которая находится в отношениях с вторичными и первичными значениями. Метафорические модели являются определенными концептуальными матрицами, так сказать таксонами разных систем мировидения, составными различных моделей мира.

При рассмотрении структуры метафорической модели, требуется рассматривать следующие ее признаки:

- исходную понятийную область (ментальная сфера донор, сфера источник, источник метафорической экспансии, источниковая сфера);
- новую понятийную область (ментальная сфера мишень, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии);
- типовые сценарии для этой модели, отражающие более характерные для исходной понятийной области последовательности ситуации;
- фреймы, которые относятся к этой модели, которые понимаются как фрагменты наивной языковой картины мира, структурирующие соответствующую понятийную сферу;
- составляющие каждый фрейм типовые слоты;
- компонент, связывающий вторичные и первичные значения единиц, охватываемых этой моделью.

Анализ медиа-текстов и Интернет-ресурсов на экономическую тематику показал, что тексты предназначены широкой международной аудитории. Используется достаточно большое количество стилистических средств, таких как – ирония, игра слов, фонетические приёмы. Для повышения интереса к публикациям их создатели придают им личностную окраску.

Обращает внимание факт публикации экономических статей, которые используют коннотативные слова и словосочетания, косвенно отображающие оценку описываемого явления, являются средством экспрессии и эмоционального воздействия на читателя.

Для адекватного восприятия смысла используют коммуникативно значимый подтекст.

Анализ медиа-текстов позволяет заключить о присутствии национально-культурного и психологического употребления слов и выражений, отражающих специфику определённой культуры.

Наиболее характерными концептуальными метафорами являются метафоры с опорой на общее значение «человек и его внутренний и внешний мир». В странах Востока – Китая, Японии, Корее, Сингапура, Тайваня и др. распространены зооморфные метафоры, несущие яркую смысловую окраску текстам.

Анализ текстов популярных экономических дискурсов позволил нам сделать выводы о сущности экономического дискурса:

1. Экономические статьи выполняют все основные функции: информативную, развлекательную, образную, рекламную и идеологическую.
2. Спецификой лексического оформления статей является взаимодействие трёх подсистем: общеупотребительной, общенаучной и специальной.
3. Популярные экономические концепты насыщены выразительными метафорами, которые строятся на повседневной жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Научная, учебная и специальная литература:

1. Арутюнова Н.Д., Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб.// М.: Прогресс, 1990 г. с.5-33.
2. Бабушкин А.П., Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин // Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996 г. 104 с.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., Воскрешение метафоры // Словарь русских политических метафор // М., Прогресс, 2018 г. 351 с.
4. Баранов А.Н., Очерк когнитивной теории метафоры. Русская политическая метафора (материалы к словарю) // М.: Дрофа, 1991 г. - 180 с.
5. Баранов А.Н., Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя// Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // М.: Едиторал УРСС, 2004 г. 256 с.
6. Блэк М., Метафора./ Теория метафоры // М.: 1990 г., с. 153-172.
7. Болдырев Н.Н., Концептуальная основа языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев // М.: Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009 г., с. 25–78.
8. Болдырев Н.Н., Принципы и методы когнитивных исследований [Текст] / Н.Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований: сборник научных трудов // Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2008 г., с. 5–21.
9. Бондалетов В.Д., Русская ономастика // М.: Просвещение, 1983 г.
10. Бородулина Н.Ю., Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа: монография // Тамбов: Грамота, 2007 г., 184 с.
11. Будаев Э.В., Чудинов А.П., Метафора в политическом интердискурсе // Екатеринбург, 2006 г. 325с.

12. Воякина Е.Ю., Функциональный аспект концептуальной метафоры экономического дискурса // М.: 2010 г., с.60-65.
13. Галиуллина Г.Р., Татарская антропонимия в лингвокультурологическом контексте: автореф. Диссертация д-ра филол. Наук Галиуллина // Казань, 2009 г.
14. Дейк Т.А., Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.// Благовещенск: Изд-во БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 г., 245с.
15. Дэвидсон Д., Что означают метафоры. / Теория метафоры / /М.: Луч,1990г. с. 173-193.
16. Залевская А.А., Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методические проблемы когнитивной лингвистики // М.: Прогресс, 2001 г., с. 36-44.
17. Караулов Ю.Н., Русский язык. Энциклопедия. Большая Российская энциклопедия./ Ю.Н. Караулов // М.: Прогресс, 1997 г. 223с.
18. Карасик В.И., Языковой круг: личность, концепты, дискурс // М.: Гнозис, 2004 г. 345с.
19. Колесов В.В., Философия русского слова // СПб.: ЮНА, 2002 г., 448с.
20. 5. Кравченко А.В. «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса / А.В. Кравченко // Когнитивные исследования языка // Тамбов: ИЯ АН; ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012 г., Вып. 12, с. 205-216.
21. Кубрякова Е.С., Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей ред. Е.С. Кубряковой // М.: МГУ, 1996 г., 245 с.
22. Кубрякова Е.С., В поисках сущности языка: вместо введения [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2009 г., с. 11–24.

23. Лакофф Дж., Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сб. // М.: Прогресс, 1990 г., с. 387-415.
24. Лакофф Дж., Джонсон М., Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004 г. 256 с.
25. Лакофф Дж., Джонсон М., Метафоры, которыми мы живем./ Лакофф Дж., Джонсон М.// М.: Издательство ЛКИ, 2008 г., 198с.
26. Лосев А.Ф., Философия имени // М.: МГУ, 1990 г., 234с.
27. Мак Кормак Э., Когнитивная теория метафоры. Теория метафоры // М.: Прогресс, 1990 г., с. 358-386.
28. Павиленис Р.И., Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка // М.: Мысль, 1983 г., 286 с.
29. Попова З.Д., Стернин И.А., Когнитивная лингвистика: монография // М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007 г., 314с.
30. Попова З.Д., Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Воронеж: Истоки, 2018 г., 191с.
31. Попова З.Д., Семантико-когнитивный анализ языка [Текст]: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Воронеж: Истоки, 2018 г., 226с.
32. Рождественский Ю.В., Принципы современной риторики / под ред. В.И. Аннушкина, 3-е изд., испр.// М.: Флинта: Наука, 2003 г., 234с.
33. Скляревская Г.Н, Метафора в системе язык: монография. - 2-е изд., стереотип // СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004 г., 125с.
34. Скребцова Т.Г., Когнитивная лингвистика [Текст]: курс лекций / Т.Г. Скребцова // СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011 г., 256 с.
35. Степанов Ю.С. Константы русской культуры // М.: Академический проект, 2004 г., 982 с.
36. Суперанская А.В., Общая теория имени собственного // М.: Наука, 1973г., 342с.
37. Суперанская А.В., Суслов А.В., Современные русские фамилии // М.: Наука, 1981 г., 123с.

38. Телия В.Н., К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы / В.Н. Телия // Язык – система, язык – текст, язык – способность. К 60-летию чл. корр. РАН Ю.Н. Караулова // М.: Ин-т русского языка РАН, 1995 г., с. 23-36.

39. Философский словарь [Текст] / под ред. И.Т. Фролова // М.: Республика, 2001 г., 719 с.

40. Фурс Л.А., Концептуальные аспекты синтаксиса [Текст] / Л.А. Фурс // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев // М.: Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009 г., с. 278–302.

41. Харченко В.К., Функции метафоры: учебное пособие. изд.2-е // М.: Издательство Луч, 2007 г., 96 с.

42. Чудинов А.П., Политическая лингвистика // М.: Наука: Флинта, 2008 г., с. 136-137.

43. Чудинов А.П., Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) // Екатеринбург, 2001 г. 238с.

44. Чудинов А.П., Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации // Екатеринбург: Урал. гос. пед. Ун-т, 2003г. 248с.

45. Grady J., Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Stress, 1997 - 306 p.

46. Croft W., Cognitive Linguistics [Text] / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 356 p.

47. Evans V.A, Glossary of Cognitive Linguistics // University Press, 2007, 239 p.

48. Fauconnier G., Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language // Cambridge, University Press, 1994 - 240 p.

49. Fauconnier G., Turner M., Conceptual Integration Networks Cognitive Science, 22(2) 1998, p. 133-187.
50. Fauconnier G., Turner M., Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006, p. 303-371.
51. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration net-works. Chapter 9 / Cognitive Linguistics: Basic Readings / Edited by Dirk Geeraerts, Honorary editor Ronald W. Langacker. – Mouton de Gruyter // Berlin – New York, 2006 , p. 303-372.
52. Fillmore Ch.J., Baker C.A, Frame Approach to Semantic Analysis / Heine B., Narrog H. (ed.) The Oxford Handbook of Linguistic Analysis // Oxford University Press Inc, 2010 ., p. 313-339.
53. Glebkin V.V., A Critical View on Conceptual Blending Theory // Proceedings of the 35th Annual Conference of the Cognitive Science Society. M. Knauff, M. Pauen, N. Sebanz, & I. Wachsmuth (Eds.). – Austin, TX: Cognitive Science Society, 2013, p. 2404-2409.
54. Goldberg A.E., Construction Grammar. The inherent semantics of argument structure: The case of the English ditransitive construction. Chapter 11 / Cognitive Linguistics: Basic Readings / Edited by Dirk Geeraerts, Honorary editor Ronald W. Langacker. – Mouton de Gruyter // Berlin – New York, 2006. – P. 401-438.
55. Lakoff G., Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
56. Langacker R.W., Cognitive Grammar. A Basic Introduction / R.W. Langacker. – Oxford University Press, 2008. – 562 p.
57. Talmy L., Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept structuring Systems. – Cambridge (Mass), L. : A Bradford Book, The MIT Press, 2000. – 565 p.
58. Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. , Bodily action and metaphorical meaning. Fall, 36 (3), 2002, p. 524-540.

59. Gudavičius A., Etnolingvistika, Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla, 2009. -356 p.
60. Gudavičius A., Gretinamoji semantika. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla, 2007. -187 p.
61. Kövecses Z., Metaphor in Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 – 221 p.
62. Papaurėlytė-Klovienė S., Lingvistinės kultūrologijos bruožai. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla, 2007 – 401 p.
63. Papaurėlytė-Klovienė S., Lingvistinės kultūrologijos bruožai. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla, 2007.-354 p.
64. Ritchie D., Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation. Metaphor and Symbol, 19(4), 2004 - c. 265-287 p.

Интернет-ресурсы:

65. Арутюнова Н.Д., Журина М.А., Теория метафоры: Сборник. / Москва: Прогресс, 1990. Доступ к Интернету: http://gumknigi.blogspot.com/2009/06/blog-post_21.html (дата обращения 24.06.2018).
66. Демьянков В.З., Интерпретация политического дискурса в СМИ. URL:<http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> (дата обращения 25.06.2018).
67. Fauconnier G., Turner M., Conceptual blending, form and meaning [Электронный ресурс]: Режим доступа - <http://tecfa.unige.ch/tecfa/mal/tt/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.pdf> (Дата обращения 07.07.2018 г.)
68. Ратникова И.Э., Ономастическая метафора в публицистике: ее структура и функции. - [Электронный ресурс] - режим доступа: URL:http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/Rossica-38/Rossica-38_78.pdf. Дата обращения: 25.06.2018).
69. Суровцев В.А., Сыров В.Н., Метафора, нарратив, языковая игра / Методологические науки, 1998 - №3. с. 186-197. Доступ к Интернету: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_6.htm(дата обращения 24.06.2018).

70. Чудинов А.П., Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та., 1991-2000, Доступ к Интернету:

<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения 24.06.2018).

71. Чудинов А.П., Финансовая метафора в современной политической речи. Лингвистика, 2001б, №7,с. 89-1001. Доступ к Интернету:

<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01a.htm> (дата обращения 24.06.2018).

72. Чудинов А.П., Российская политическая метафора в начале XXI века. / Политическая лингвистика, 2008, № 1(24), - с. 86-93. Доступ к Интернету: <http://www.classes.ru/philology/chudinov-08.htm>(дата обращения 24.06.2018).